

AB

Книги Анны Берсеневой – истории сильных чувств:

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Слабости сильной женщины

Ревнивая печаль

СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

Странная Лиза
Портрет второй жены

Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька

Вангелия

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория
Героиня второго плана

Анна Берсенева

героиня
второго плана

роман

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Героиня второго плана : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-80411-5

Сильный характер – несомненное преимущество. Человек должен быть хозяином своей жизни. Эти истины никто не подвергает сомнению. Именно поэтому в свои сорок два года московская художница Майя чувствует себя «женщиной второго плана». Ведь сильным характером судьба ее обделила, она не знает, куда несет ее течение жизни. В этом смысле она удалась в бабушку Серафиму Игуменцеву. Та в своей послевоенной молодости не сумела побороться ни за любовь, ни за место под солнцем. Но бабушка знала: луч счастья может выглянуть из-за туч, когда ты этого совершенно не ожидаешь. А стоит ли на это надеяться Майе?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80411-5

© Сотникова Т.А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Глава 1

А все-таки непонятно, что есть красота — сосуд, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?

Но только в глобальном смысле Майя этого не понимала, в обычном же, относящемся к собственной внешности житейском смысле ей было понятно: если и мерцает в ней что-то, могущее называться красотой, то сосуд, в который заключен этот огонек, закрыт очень плотно.

Но что же, как есть, так есть. Да и не слишком она об этом задумывалась. Так — на мгновение мелькнуло в сознании, как отражение в зеркале, когда выходила из комнаты.

В замкнутом пространстве гостиницы, устроенной в отремонтированной питерской коммуналке, было такое очарование, что даже на улицу выходить не хотелось. Разве что на полукруглый балкон.

С него Майя вчера не могла уйти до позднего вечера — смотрела сверху на Басков переулок и думала о том, что в здешней жизни не было перерыва. Стремительный пушкинский, мрачный Достоевский, серебряный, серебряновечный Петербург, раздразни революция, мертвый ужас блокады — ничто из этого не

являлось перерывом между чем-то и чем-то, пустым провалом, все было частью какого-то огромного целого. И все в этой квартире — камин с эмалевыми изразцами, массивный обеденный стол с гнутыми ножками, темный дубовый комод в прихожей — тоже было одно, общее с Басковым переулком внизу и с Невским проспектом невдалеке за домами.

Только Петербург вызывал у Майи такие мысли. То есть если смотреть шире, то не только он, конечно, Париж тоже не казался ей прерывистым, и даже эклектичным не казался, хотя состоял из тысяч разнообразных частностей. Но в России — Петербург единственный. Потому она и любила сюда приезжать.

Завтрак сегодня готовила Ольга Цезаревна, старшая из сестер, которым принадлежала гостиница. С вечера Майя попросила сварить ей кашу, и сейчас, ровно в десять утра, Ольга Цезаревна перемешивала в тарелке сухофрукты перед тем как поставить овсянку на стол. На маленькой плитке перед ней, кроме ковшика с овсянкой, стояла сковородка, на которой потрескивала глазунья, значит, еще не все постояльцы разошлись по своим делам, кто-то просыпается даже позже, чем Майя.

— Хорошо спали, Маечка? — спросила Ольга Цезаревна. — Ветер и ветер день и ночь. Мы-то привыкли, а гости жалуются.

— Я тоже привыкла, — сказала Майя. — Я же всегда в апреле приезжаю.

— Москвичам обычно все не так.

Майя улыбнулась, ничего на это не ответив, и придвинула к себе тарелку. Как она любила эту маленькую гостиницу! Завтрак здесь был настоящим завтраком — из-за вот этой кремовой скатерти с мережкой, и булочек-улиток в сухарнице под кружевной полотняной салфеткой, и тонких фарфоровых чашек с рисунком из бледных роз, и блестящего медного кофейника. Все это, конечно, и дома можно себе устроить, но разве станешь? Что-то нарочитое есть в тщательном устройстве жизни лично для себя; может, глупо, но Майя думала именно так.

Вечерами за общим обеденным столом можно было сидеть допоздна, читая или рисуя. Скатерть снималась, посередине стола ставилась лампа, такая же медная, как кофейник, и с зеленым стеклом, а ходики постукивали так, что уйти из комнаты, осененной этим мирным звуком, было просто невозможно. Майя считала, что ее работоспособность в Петербурге повышается втрое именно от того, что так легко ей сидеть над работой допоздна.

— Доброе утро, Арсений Владимирович.

Вот для кого, значит, приготовлена глазунья. Удивительно. Впрочем, вкусы у людей бывают самые неожиданные.

Удивляться вообще-то следовало не тому, что вошедший в столовую постоялец ест на завтрак незатейливую яичницу, а тому, что он вообще поселился

здесь. Медный кофейник и зеленая лампа — это, конечно, и стильно, и утонченно, но все же гостиница-то самая простая и нет в ней того лоска, который уважают мужчины в дорогих английских костюмах. Впрочем, взгляд у этого Арсения Владимировича, кажется, вполне интеллигентный.

Пристально рассматривать постороннего человека Майя не стала бы, но в этом и необходимости не было: не только взгляд, но и облик, и наклон головы — все это говорит о человеке так много и так быстро, что даже художником быть не обязательно, чтобы уловить суть.

Он поздоровался с хозяйкой, сказал «приятного аппетита» Майе и сел напротив нее за стол. Ольга Цезаревна поставила перед ним тарелку с яичницей и ушла.

— Кофе? — предложил он Майе.

— Пока не надо, спасибо, — ответила она. — После каши выпью.

— А я с него начинаю жизнь. — Он придвинул к себе кофейник. — Особенно здесь. Всем бы хорош этот город, если бы не погода.

Разговор о погоде отлично подходил к завтраку. Даже не разговор, а реплики. Они составляли такую же естественную часть этой комнаты, как причудливые цветы и птицы на каминных изразцах.

В столовую заглянул Шиша, маленький фокстерьер.

— А, привет!

Арсений Владимирович взял с тарелки розовый кружок колбасы и положил перед Шишей на пол.

— Ольга Цезаревна не разрешает его кормить, — предупредила Майя.

— Ну кусочек, — улыбнулся он. — Такое нечрезмерное существо грех не поощрить.

— Какое-какое существо? — с интересом переспросила она.

— Нечрезмерное. У меня такая же собака была. Порода другая, корги, но характер точно как у Шиши. Никогда ее присутствие в моей жизни не было преувеличенным. И никогда не было недостатка в ее присутствии, когда оно требовалось.

Однако!.. Непринужденно же он перешел от замечания о погоде к такому необычному наблюдению.

— А я скорее кошку завела бы, чем собаку, — сказала Майя. — Но не решаюсь.

— Почему?

— Бывает, что уезжаю. Не то чтобы часто, но все же. Животное не с кем будет оставлять.

Он улыбнулся. Майя поняла, что не ее словам, а какой-то своей мысли. Ей показалось, что его улыбка выглядит слегка смущенной.

— Что вы?

Она тоже улыбнулась оттого, что разглядела его смущение.

— Так. — Он смутился теперь уже явно. — Вспомнил кое-что двусмысленное.

— Если расскажете, двусмысленностью обещаю не возмущаться.

— Да ничего особенного в общем-то. Один мой приятель говорил: проще завести любовницу, чем кошку. С любовницей, если что, расстался, и нет проблем. А с кошкой не расстанешься — ответственность.

Майя засмеялась и сказала:

— Вся суть мужского эгоизма.

— Мужской натуры, я бы уточнил.

— Может, и так.

— Арсений, — представился он.

— Майя.

— Надолго вы в Петербург?

— Завтра уезжаю.

Вопрос прозвучал уже не в том живом тоне, каким он говорил про собаку, а обычно, как и должен звучать дежурный вопрос, ответ на который спрашивающему безразличен. Майя и ответила машинально. Ее овсянка чуть остыла, можно стало есть, и она опустила ложку в кашу.

— А что делаете сегодня вечером? — спросил Арсений.

— Ничего особенного, — пожала плечами Майя. — Читаю, наверное.

Он задал этот вопрос таким же обыкновенным тоном, каким и предыдущий, она и ответила так же машинально. Хотя вопрос был уже не совсем обычный, конечно.

— Дело в том, что у меня есть лишний билет в Мариинку, — сказал он. — Партнеры подарили два, и жаль будет, если пропадет. Как вы относитесь к балету?

К балету в Мариинке Майя относилась прекрасно. Да и кто бы отнесся иначе?

— В таком случае встретимся в половине седьмого у входа? — сказал Арсений Владимирович. — Извините, я должен поесть быстро, опаздываю на переговоры.

— Пожалуйста, конечно. Спасибо за приглашение.

Кофе и яичницу он проглотил с такой армейской скоростью, что Майе стало даже жалко: приятно было бы завтракать неторопливо, разговаривая, отмечая еще какие-нибудь интересные его наблюдения вроде того, о собаках. Но тут же она вспомнила о предстоящей вечером Мариинке и жалеть о прервавшемся разговоре перестала. Театры Майя любила и посещала не так уж редко, но приглашениями в них избалована не была. Да и не только в них — вообще не была она избалована приглашениями куда бы то ни было.

Глава 2

— Честно говоря, больше всего мне понравились старушки.

— Какие старушки? — не поняла Майя.

Балет Баланчина состоял из трех частей, об этом она и спросила Арсения — что ему больше понравилось, «Изумруды», «Рубины» или «Бриллианты». И удивилась его ответу.

— Мне понравилось, что в Мариинке полно старушек, — объяснил он. — В Большом их давно уже помину нет, тем более на балете. А здесь, я поинтересовался, годовой абонемент не безумно дорогой, и все балеты в него входят, и старушки их смотрят. Все-таки Питер сохранил человеческие черты, невозможно не заметить. А вообще «Рубины» красивее всего были, по моему. Но я в этом не очень разбираюсь.

Старушек Майя и сама заметила — аккуратных, интеллигентных, хрестоматийных петербургских. Да и вся публика сильно отличалась от московской, это правда. Пафоса было значительно меньше, и больше было студентов.

Но вообще-то разница между Москвой и Петербургом давно уже была ею отмечена и осмыслена, поэтому ее скорее заинтересовало то, что Арсению понравились именно «Рубины», самая страстная часть балета Баланчина. И не очень это Майю обрадовало. Это означало, что ему вряд ли может понравиться она: в ней-то ничего страстного нет, и не только во внешности.

Но разве она рассчитывала на роман со случайным знакомым? Ничуть. Балет был прекрасный, и вечер поэтому получился хороший, и шампанского в антракте

выпили, это немало. Потому что жизнь ее в силу профессии и личных обстоятельств протекает так как-то... внутренне, что любое внешнее событие кажется значительным, да таким и является вообще-то.

— Можем сразу взять такси, — сказал Арсений, — а можем и прогуляться, пока не устанем.

Конечно, лучше прогуляться. И ветер успокоился, и до гостиницы не так уж далеко, чтобы устать.

Они шли вдоль канала Грибоедова и разговаривали. О чем обычно разговаривают мужчина и женщина, если они только что познакомились и знакомство оказалось приятным? О приятном и разговаривали: обсудили балет — Ульяна Лопаткина танцевала волшебно! — обменялись сведениями о работе. У Арсения, как Майя сразу и предположила, было свое дело, что-то связанное с программированием, то есть совершенно ей непонятное, а значит, для общего разговора не подходящее.

Когда он узнал, что Майя художница, то сказал о ней слово в слово то, что она минуту назад подумала о нем:

— Я что-то такое сразу и преположил.

— Почему? — спросила она.

— Вы очень интеллигентны. И так, знаете... Именно художественно интеллигентны.

Майя не поняла, чего в его словах больше, одобрения, опаски или еще более нисходящего чувства. Если бы оказалось, что опаски, она не удивилась бы.

Лет десять назад мужчины боялись чересчур умных женщин, так как были уверены, что женского ума не бывает без активной независимости, а кому такая женщина нужна. Теперь же качество, которое Арсений назвал интеллигентностью, да еще художественной, — что это в его представлении, кстати? — у большинства мужчин вызывало, по Майиным наблюдениям, уже даже не опаску, а только недоумение или скуку.

Но нет, чтобы он опасался ее или чувствовал в ее обществе скуку, не похоже. Смотрит с интересом, расспрашивает непринужденно.

А она ощущала сейчас то легкое возбуждение ума и настроения, которое и должно было возникнуть от балетного блеска и выпитого шампанского.

— Один мой приятель, — сказал Арсений, — вообще перебрался из Москвы в Петербург. И убежден, что только теперь наслаждается жизнью.

— Чем же он наслаждается в Петербурге?

— Говорит, что абсолютно всем. Сдал квартиру в Чертанове, снял на Фонтанке. Каждый вечер либо в театр идет, либо посещает какое-нибудь литературное собрание.

— А работа?

— Он дизайнер, работа удаленная. Как и у вас, я думаю. Или вы непосредственно в издательстве сидите?

— Я с разными издательствами работаю. Дома.

— Всегда восхищался людьми, которые на это способны.

— Что же в этом восхитительного? — удивилась Майя.

— Что им не скучно наедине с собой, во-первых. А во-вторых, что у них сильная воля. Работать, когда никто не следит и не подгоняет, это не каждый может.

Никакой особенной воли Майя у себя не отмечала. И скучно ей бывало, конечно. Но сидеть с утра до вечера в многолюдном помещении без перегородок или, наоборот, в тесной комнатке — во всех издательствах либо одно, либо другое — тоже не казалось ей таким уж весельем. И от того, что кто-нибудь стал бы за ней следить или подгонять ее, работалось бы ей не лучше точно.

Но объяснять такие подробности случайному собеседнику Майя не посчитала необходимым.

— Работа как работа, — пожала плечами она. — Иногда книжки хорошие и издатели умные, иногда наоборот. В зависимости от этого работать или скучно, или интересно.

Ничего особенного она вообще-то не сказала. Но странное ощущение возникло у нее вдруг... Из-за слов о работе, самых обыкновенных, она увидела свою жизнь не то что со стороны, но как будто бы вне собственной к ней привычки. И удивление, и едва ли не страх охватили ее. Все, что давно уже